

● ● ●
Фонтан на лондонском квартале будто спит:
Вода стагична, отражается лишь камень.
Светильник матовый, окно и бледный пламень,
Раскрыта книга, но кому принадлежит—
Мне не узнать. И неподвижная стрела
На старой башне, словно флюгер, указала
На временную относительность, и стала
Повсюду ночь, всё замирало досветла.
Обрывок фразы недосказанной застыл,
И мнемонические строки, части речи,
Вот найтингейл остановился, белокрыл,
Остановилось всё. И тень от каждой вещи
Не удлинялась ближе к вечеру, разряд
Далёкой молнии, но грома нет, и площадь
Вся в тишине, и строен неподвижный сад,
Что полон птиц, от пыли пепельная роща.
Вернулась ночь, и англичане крепко спят.
Чернее сажи кошки ждут луну на крыше,
Вот найтингейл, но нарисованный, затишье,
Туманный Лондон, воздух сыростью объят.
И снова ночь, а следом вечер, дальше день,
На всех страницах с фотографиями дата,
И время тянется к пространству, словно тень,
Что удлиняется от стрелки циферблата.

● ● ●
Остановка на станции вечером,
Аромат креозота, грустишь,
Пассажира будил узкоплечего
Удивлённый сигналом малыш.

За окошком платформа знакомая,
Тот же трактор с одним колесом,
Телевышка вдали невесомая,
Вот монтеры сверкают ключом.

Флюгера заржавели, но прежние,
Пара бочек с цветущей водой,
На прицветниках серьги орешника
Нависали над малой рекой.

Тишина на перроне нарушена,
Пролетел многотонный состав,
И фонарь на мосту, как жемчужина,
Миновал, разогнавшись стремглав.

Эклога (Зима в Петербурге)

Трамвайные белеют провода,
Белеют ветки, крыши по округам,
Окно и монохромные цвета
Домов соседних блёкнут полукругом.
Побеги изо льда, что на стекле,
Пробились, как эту, узор сложнее,
И снег напомнил пудру и суфле,
А вата в рамах— снег, но голубее.
Казался в детстве дом как целый мир,
Не тронут свежий иней у парадной,
Тот, что похож на сливки и пломбир,
Рапира изо льда в трубе фасадной,
Свисает на проспект дамоклов меч,
И нет следов от шин, и даже птицы
Пунктир не оставляют, в доме печь
На вид всё холоднее, и ночницы
Попрятались в обшарпанных стенах,
Уснула коммуналка, завернувшись
Центральным отоплением, впотымах
Проснулся бражник, раньше обманувшись
Теплом от радиатора, и пар
От влаги после стирки по паркету,
И вышел кто-то ночью на бульвар,
Темно, но видно контур. Силуэту
Придал все очертания фонарь,
Прохожий смотрит вверх на хлопья снега
И видит аппликацию: янтарь
И звёздный луч у тёмного ночлега,
Волхвы идут из лампы ночника,
Метель на перекрёстке всё сильнее,
И плащ от ветра в крылья мотылька
На миг преобразился у аллеи.

Ecclesia

Бледный пурпур римского храма,
Серым отливом опечаленный взгляд,
Эмалевый ангел смотрел на Адама
Сквозь витраж далёких Плеяд:
В его нимбе— просвет панорамы,
Звёзд ночных сияющий ряд.

Летели ласточки сквозь арку над Шпалерной
И, став ресницами у дома за углом,
Пережидали дождь, сложилась эфемерной
Картина—взмах крыла под каменным окном.
Сигналом Морзе здесь вода стучит по крышам,
И гибкий кот через дорогу промелькнёт,
Труднее жить густым чернилам на афишах,
Легко принять за рыбу в небе самолёт.
Читая в будущем из прошлого новеллы,
Вернутся улицы, и ласточки, и пыль,
В конце страницы ты выходишь из капеллы
И видишь лавочку, дома́, знакомый шпиль.

Овеяно тканью незримых миров
Пространство, что видит лишь оптик-любитель,
В уме представлял на Сатурне обитель,
На спутниках нет кучевых облаков.

Рефрактор настроен, далёкий объект.
Что, если попасть на него с телескопом?
Увидеть себя с лимонадным сиропом,
Идущим весной на Литейный проспект.

Расфокус, но видно из детства мечту,
Медведицы свет, логотип, вход у банка,
Забрать бы домой, но нужна же стремянка,
И ждать мне придётся, когда дорасту.

На пыльном дворе из теней кружева,
Упругий прыжок и полёт над пробелом,
Ряды из квадратов, число и слова
На сером асфальте написаны мелом.

Хромая собака на сонный вокзал
Отправилась снова встречать лаборанта,
В вечерних лучах силуэт исчезал,
Став бледным пятном, как отсчёт радианта.

Железное тело из двух центрифуг,
Мотор мотоцикла и гибкая лента—
Соседа-мальчишки придуманный друг,
Но сердца в нём нет, не досталось фрагмента.

И ночью придёт вдруг идея одна:
Замок в гараже подойдёт, и аорта
Из старого шланга, гитары струна
Похожа на вену, душа из аккорда.

Но утром он вспомнит: пора уезжать,
Вот скоро составит инструкцию сборки,
И спрячет в камнях, и возьмётся мечтать,
Как снова найдёт в затаённом восторге.

Совпали родинки со звёздами в Ковше,
И тёмно-синяя гуашь ночного неба—
Как на страницах астрономии Моше,
Немного сахара, воды, немного хлеба,
Центавра Проксима за городом блестит,
Нефтехранилище и два резервуара,
Аэродром для стрекозы и плоскость плит,
Здесь после школы собирали стеклотару,
И ближе к полночи задерживался взгляд
На горизонте, и сбивались с пересчёта
Небесных тел, где зачеркнул ряды Плеяд
Пунктирный след наклонных линий самолёта,
Но через время тропосфера как окно,
И твой зрачок теперь умножит скорость света,
Участок неба у Стрельца, теперь темно,
Однажды здесь была лучистая комета.

Со всех сторон приходят поезда,
Сменяется вокзал античным Римом,
Вдруг узнаёшь, что прежде никогда
Не видел глаз, в пронзительно томимом,
В каком-то странном чувстве, будто сон:
Знакомый дом, все мелочи, проулок,
На камне капли—влажно, купидон,
И с бакалеи запах сдобных булок.
Вдруг старый Петербург и Древний Рим
Смешались наяву в лучистой мысли:
И горизонт с пейзажем заводским,
Текстильных фабрик выхлоп углекислый,
Дом сто восьмой, колодец из квартиры,
Вот стол, и солнце заменяет лампа,
Помехи, сырость, радиоэфир,
Пробился стих, что пятистопным ямбом
Звучит, а следом грустный хор, с трудом
Припоминаешь день, когда-то слышал,
Тогда, быть может, видел сон: пешком
Всего лишь час, Шпалерная и выше,
А за углом—прекрасный Древний Рим,
Сухому ветру птица доверяет,
Непросто с города холодных зим
Зрачку перенести, как луч сияет,
Что отражён бутылкой из стекла,
И в ней письмо, и блеск голубоватый,
Прижал печатью, плотная смола,
Закинул в реку, кто найдёт когда-то—
Прочтёт тот стих, что собран из пяти
Двухсложных стоп, бумага пожелтеет,
Экслибрис тёмный выцветет почти,
Строка воспоминания навеет.

Петербург

В Петербурге, напротив Соляного переулка,
Причалил дом, похожий на ковчег;
Водопроводных труб издав сигналы гулко,
Замедлился в асфальте пристани навек.

Дорога жадно впитывает свет,
Пусть стрелка флюгера указывает русло,
Минуя арку, сохраняет силуэт—
Пролёт окна и пыльный луч от люстры.

Шла баржа по отблескам речного фонаря,
Моргала лампочка на сорок ватт в каюте,
Натюрморт бокала и календаря—
Вещей оставленных собрание в приюте.

Дуновенье у дома, туманно.
Из трубы абрис бледного дыма,
Поток ветра едва уловимый
Рисовал свой портрет филигранно,
Как окружность росы уязвимый.
Гулкий шаг преломляла витрина,
Эхо чайки над Темзой летело,
У аптеки окно потускнело
Вместе с белым крестом аспирина,
Переулоч, такси, вечерело.
Вдруг напомнил случайный прохожий
Друга детства из дома напротив,
Что на Джойса примерно похожий,
Фотография на переплёте.
Аромат чайных листьев повсюду,
В свете фар стройный ряд колоннады,
Перезвон серебристой посуды,
Лондон—город полночной прохлады.

Сон в поезде

С напевами цикад мерцало небо,
Отбил железный ритм локомотив,
В вагоне поезда взял ломтик хлеба
Профессор-физик, быстро утолив
Намёк на голод, он вспомнил аромат
Пекарни, лавку, возвращаясь к дому,
Сквозь мысли сонно сворачивал назад,
Где после арки медленно, с истомой
Входил, ступеней холод и текстура,
И, не отбросив тень, смотрел на свет,
Который жил всё в том же абажуре
И обрамлял свертонкий силуэт
На парапете гипсовой скульптуры,
Высвечивал обоев бирюзу,
Лепнину, потолок, архитектуру
Тех комнат, что уютнее в грозу,
Там из окна луна казалась больше,
Гербарий в книге—астры лепесток,
И проводник шёл, тихо произнёсший
Номер вагона, станция, гудок.

Чужая комната тебя лишает сна,
В отеле мебель ночью более статична,
А за стеной переливается вода,
Здесь батареи—стан, а кран есть ключ скрипичный.
Щелчок замка, и ты выходишь на прогулку,
Сырой бордюро—строка асфальта, и шаги,
И нарастает грусть всё ближе к закоулку,
Ночные лампы смотрят в лужи-маяки.
Два дома тянутся друг к другу, местный житель
Зашёл в парадную, зажётся мягкий свет,
Узор брусчатки—из камней путеводитель,
Проём окна и облик твой здесь—трафарет.
Ты возвращаешься обратно через час,
Секундная стрела совпала с ритмом сердца,
Высокий чайник на плите глядит анфас,
Сон утром—суть преодоления инерций.

Качнулся маятник чуть влево на часах,
Невольно держится в уме посредством Цейса
Структура, что находится во всех вещах:
Рисунок атомов и транспортного рейса.
Всё в той же форме снится кошкам молоко,
И наutilusы плывут в своей спирали,
Пространству вторит Андромеда далеко,
Циклоны те же логарифмы повторяли.
И простынь, скатерти подобны парусам,
Когда их воздух после стирки поднимает,
И он же образ Махаона дал плащам,
Клочок газеты вместе с птицей улетает.
Качнулся маятник чуть вправо на часах.
Вернёмся к кошкам, пирамиды—как их уши,
От медальона что-то есть в дверных ключах—
Текстура времени, рельеф, но только уже.
Имеют сходство руки плотника с корой
Деревьев тех, что, в свою очередь, похожи
На долгожителей, живущих под луной,
Узор на лбу, ультрамаринная кожа.
И повторяются сюжеты в крепких снах,
На негативе свет и тени поменялись,
Качнулся маятник, и полночь на часах,
На бледный луч два шелкопряда устремлялись.

Aeterna urbs

Грозовой небосклон—как воздушный сапфир,
Там, где в радужной сфере нектар.
Рассекал свод небес снежно-белый пунктир,
И дождём зашептал тротуар.

Этот дивный язык пыльных римских камней—
Диалог с черепицами крыш.
И устами Арона вещал Моисей,
В травертине пророка услышь.